

Глава 6

Лу Чжи развернул лежавший перед ним кусок шёлка.

Это было письмо, доставленное ему самым непонятным образом. Казалось, кто-то воспользовался царившей в городе суматохой и отправил гонца, который смешался с многочисленными снующими туда-сюда отрядами и незаметно передал послание в его резиденцию.

Развернув шёлк, он увидел первые несколько иероглифов:

«Бэй с почтением обращается к наставнику...»

Имя отправителя оказалось для Лу Чжи совершенно неожиданным. Это был Лю Бэй.

— Лю Бэй, Лю Сюаньдэ... Ученик, что был у вас в горах Гоуши? — спросил книжный отрок, услышав, как старец дважды произнёс это имя.

Лу Чжи кивнул.

— Да.

В годы Сипин, во времена правления покойного императора, Лу Чжи несколько лет служил в столице учёным-академиком. Его слава как великого конфуцианца росла, и он открыл школу в горах Гоуши, куда стекались ученики со всей страны.

Будучи сам родом из провинции Ючжоу, он особенно хорошо запомнил нескольких студентов, приехавших оттуда же.

Гунсунь Цзань, выходец из области Ляоси, благодаря своей статной внешности и выдающимся способностям привлёк внимание местного тайшоу. Тот не только выдал за него свою дочь, но и оплатил его обучение.

Лю Дэжань, чьи предки были связаны с императорским родом Хань, происходил из состоятельной семьи в Ляодуне и прибыл в Лоян в сопровождении многочисленных слуг.

Его сородич, Сюаньдэ, последовал совету матери и отправился учиться, поступив к нему в школу. Хотя семья юноши обеднела после ранней смерти отца, он держался с таким достоинством, что отец Лю Дэжана выделил средства на его обучение.

А ещё...

Если вдуматься, с тех пор, как он преподавал в горах Гоуши, прошло уже почти пятнадцать лет.

Служка тихо пробормотал:

— Хоть какая-то совесть у него есть, раз решил в такое время справиться о здоровье наставника.

— Эх, если бы всё было так просто, — горько усмехнулся старец.

Солнечный свет, падавший из окна, высветил многочисленные седые пряди в его волосах. Череда потрясений в столице заставила мужчину постареть за считанные дни. Даже на руках, державших шёлковое письмо, казалось, прибавилось морщин.

— Странно...

Очень странно.

Лу Чжи внимательно рассмотрел послание, пытаясь отыскать в памяти что-либо, связанное с бывшим учеником, но почерк на шёлке никак не совпадал с его воспоминаниями. Хотя манера письма Сюаньдэ и не была каллиграфическим шедевром, она обладала своими особенностями. Почерк же в этом тексте был, в лучшем случае, аккуратным, ничем не отличавшимся от письма любого мало-мальски грамотного человека.

Если бы он хотел просто выразить своё почтение наставнику, то не стал бы просить кого-то писать за него. Не мог же он за эти годы повредить себе руку?

Ещё более странным было время доставки. По идее, гонец не мог прийти так быстро.

Несмотря на сомнения, Лу Чжи не хотел делать поспешных выводов и продолжил чтение. Первым делом упоминалось о поведении отправителя во время учёбы.

«...В юности Бэй любил собак и лошадей, изысканную музыку и красивые одежды, к учёбе же особого рвения не проявлял, за что мне стыдно перед наставником...»

Наклонившийся помощник, услышав это, усмехнулся.

— И как только у него язык повернулся такое написать.

На лице Лу Чжи тоже появилась лёгкая улыбка, словно он перенёсся в те времена.

— Ему тогда было всего пятнадцать. Он был щедр и справедлив, не стыдился своего происхождения. Настоящий удалец. Но то, что он не любил учиться, — это правда, и стыдиться ему есть чего.

К счастью, школа Лу Чжи была устроена по образцу столичной академии, и он не требовал, чтобы все его подопечные становились выдающимися талантами, способными изъясняться стихами. Ему не нужно было стоять над душой у воспитанника и заставлять его зубрить каноны.

Хотел он бездельничать — пусть бездельничает. По крайней мере, он завёл себе нескольких верных друзей.

Наставник читал дальше. «Лю Бэй» писал, что, благодаря полученным знаниям, во время восстания Жёлтых повязок он получил под своё командование отряд, добился некоторых скромных успехов в подавлении мятежа и был назначен уездным воеводой в Аньси.

К несчастью, вскоре двор издал указ, предписывающий уволить всех, кто получил должности за военные заслуги, и прислал инспектора, чтобы тот нашёл, к чему придраться.

Он, будучи человеком прямым, связал инспектора, избил его несколькими сотнями палок и, бросив должность, бежал.

Лу Чжи:

«...»

Служка тоже был поражён.

— Он и об этом в письме написал? Неужели не боится, что вы сочтёте его безрассудным?

Слишком уж он не считает их за посторонних!

Послание, казалось, было написано с одной целью — вывалить все эти малоизвестные тёмные пятна биографии, чтобы доказать, что отправитель — это действительно он.

Но что-то здесь было не так! Кто так пишет письма!

Дальнейшее содержание было ещё более странным. Рассказав обо всём этом, автор писал, что в этом году ему исполнится тридцать, он здоров и находится в безопасности, а его братья-соратники — храбрые воины. Он спрашивал, нет ли у учителя возможности помочь ему снова поступить на службу двору.

— Так... он просит у вас должность? — растерянно открыл рот мальчик.

— Вряд ли, — нахмурился Лу Чжи и тихо приказал: — Пойди, разузнай, что он делал после того, как оставил службу.

Если бы он только и сделал, что избил инспектора и сбежал, то вряд ли у него хватило бы наглости обращаться к наставнику.

Но откуда было Лу Чжи знать, что это письмо написал вовсе не Лю Бэй, а самозванец в драконьем халате, выдававший себя за императора.

Перед отправкой Чжан Янь велел ответственному за написание, Чжао Цяню, прочесть текст вслух. Глава разбойников был уверен, что тот, кто «в юности любил собак, лошадей и красивые одежды», — это император, тот, кто избил чиновника, — это император, и тот, кто сообщает о своей безопасности, — тоже император. Он просто использовал личность члена императорского рода, чтобы говорить от своего имени.

А что до «братьев-соратников, что являются храбрыми воинами»?

Ну так посмотрите, разве он, Чжан Янь, не тот самый храбрый воин!

Текст был составлен превосходно — идеальное зашифрованное послание, чтобы сообщить Лу Чжи о своей безопасности. Кто бы мог подумать, что оно было не метафорой, а чистой правдой, и что наставник поймёт его совершенно иначе.

Услышав приказ, служка поспешно ответил:

— Сейчас всё сделаю!

Хотя в Лояне после вступления Дун Чжо царил хаос, многие чиновники продолжали исполнять свои обязанности, и для Лу Чжи не составляло труда навести справки. Вскоре помощник вернулся и доложил:

— Полгода назад великий полководец Хэ Цзинь отправил людей в область Даньян для набора войск. Лю Сюаньдэ присоединился к ним по пути. За заслуги в подавлении разбойников он получил должность помощника уездного начальника, но, говорят, вскоре снова ушёл со службы.

— Хэ Цзинь? — задумчиво произнёс старец.

То, что Сюаньдэ служил Хэ Цзиню, не было упомянуто в шёлковом свитке, и это наводило на размышления. Перечитав письмо, Лу Чжи увидел в нём новый смысл.

Каким человеком предстал его ученик в этих строках?

Во время учёбы он больше занимался налаживанием связей — в нём есть дух благородного воина. И он по-прежнему чтит их связь.

Он участвовал в подавлении восстания Жёлтых повязок и добился успехов — значит, он, по крайней мере, умеет командовать солдатами.

Недовольный притеснениями инспектора, он в гневе избил его и оставил службу — у него есть желание служить стране, но он не любит заискивать перед властью имущими.

Он здоров, находится в безопасности, а его братья-соратники — храбрые воины — он способен помочь учителю.

Все эти черты складывались в образ необычного человека. Возможно, не слишком известного, не всегда следующего правилам, но преданного идее возрождения династии Хань. И в самый нужный момент он дал знать о себе Лу Чжи, увязшему в трясине.

При этой мысли глаза старца загорелись.

— Клан Юань и Хэ Цзинь в сговоре впустили в столицу волка. В нынешней ситуации изгнать Дун Чжо из Лояна будет нелегко. Именно сейчас нужны преданные и благородные люди!

Он осторожно спрятал кусок шёлка за пазуху.

— Постарайся выяснить, где находится Сюаньдэ. Если будет возможность, нужно обязательно с ним связаться.

Страна на краю гибели. Чтобы защитить Его Величество и сохранить династию Хань, его одного было недостаточно.

В этот миг сердце Лу Чжи наполнилось смешанными чувствами — и скорбью, и надеждой. Он был так взволнован, что не заметил: складки на ткани были неровными, с несколькими дугообразными изгибами, словно в неё что-то долго было завернуто.

***

В это же время в другой части Лояна человек в длинном одеянии учёного рассматривал нефритовую подвеску.

Вещь, которая должна была служить «верительным знаком».

Нефрит, из которого она была сделана, казался странным. В нём не было привычных для этого камня вкраплений, он выглядел слишком уж прозрачным, а резьба была необычайно искусной. Если бы не трещина от падения, её можно было бы назвать даром небес.

Перед мужчиной лежал кусок шёлка. Если бы Лу Чжи был здесь, он бы увидел, что на нём написано то же самое, что и в полученном им письме. Разница была лишь в том, что чернила на этом лоскуте были ещё свежими, словно текст только что переписали.

Не найдя в подвеске никаких подсказок, учёный оставил её и снова обратил взор на письмо. На первый взгляд, в этом перехваченном им послании не было ничего особенного. Всего лишь бывший ученик, оставивший службу, просит у своего наставника должность, возможно, приложив в качестве доказательства какой-то старый памятный предмет.

Всё обычно. Учитывая статус Лу Чжи, он мог получать по восемьсот таких просьб, а вместе с ними — и по триста земляков-просителей.

Но в нынешней ситуации это не могло не вызывать подозрений.

Генерал Дун только что вошёл в Лоян. Хотя он и прибыл как спаситель императора, обладая единственной реальной военной силой в столице, чтобы сделать следующий шаг, нужно было действовать крайне осторожно.

Ли Жу был советником Дун Чжо и должен был думать о благе своего господина. Ранее он уже посоветовал брату генерала, Дун Миню, спровоцировать воинов Хэ Цзиня и, обвинив Хэ Мяо в бездействии, убить его. Таким образом, они захватили войска обоих братьев Хэ. Армия Силян тем временем подтягивалась с запада и занимала ключевые посты в столице.

До сих пор всё шло по их плану. Но в столице оставались такие преданные династии Хань чиновники, как Лу Чжи, и влиятельные кланы вроде Юань, которые вынашивали свои коварные замыслы. В их глазах Дун Чжо, обладавший огромной военной силой, всё ещё был всего лишь грубым воякой из Силяна!

— Вэнью, Вэнью!

Услышав своё имя, Ли Жу быстро завернул нефритовую подвеску в шёлковый свиток, сунул его в рукав и решил, что вернётся к этому делу позже, когда решит более насущные проблемы. Пока что достаточно будет приставить людей следить за Лу Чжи. Вряд ли старец сможет что-то предпринять.

Сделав это, он увидел, что зовущий его голос уже у самой двери. Советник поспешно открыл дверь и впустил внутрь крепкую, но уже начавшую полнеть фигуру.

— Генерал, почему вы пришли лично?

Тем, кого Ли Жу называл генералом, мог быть только один человек. Никто иной, как Дун Чжо.

Он был в ярости. Его и без того суровые черты лица стали ещё более свирепыми. Оперевшись на свой выпирающий живот, он уселся на циновку у стола.

— Вэнью, дай мне совет. Ты, должно быть, уже знаешь, о чём я...

В армии Силян было не так много людей, умеющих работать головой. К счастью, был Ли Жу. При виде него Дун Чжо почувствовал себя увереннее и глухо произнёс:

— Я хочу избавиться от одного человека.

Собеседник поклонился и ответил:

— Вы говорите о Дин Юане?

— Именно о нём! — Дун Чжо сдвинул густые брови, не скрывая гнева. — Что он о себе возомнил? При первой же встрече посмел заявить, что я получил от двора должность губернатора Бинчжоу только потому, что он, бывший инспектор этой провинции, был высоко оценён великим полководцем и отозван в Лоян.

— Ха, высоко оценён? Что это за оценка, когда его, командира «Свирепых воинов», послали в область Хэнэй, чтобы под видом разбойников Чёрной горы поджигать правительственные здания и угрожать вдовствующей императрице! Он просто пёс на побегушках у Хэ Цзиня! Если бы не то, что у Дин Юаня действительно есть отборные войска, часть которых стоит в столице, а часть — в Хэнэе, стал бы я слушать лай этой собаки!

Лицо Ли Жу оставалось спокойным. Он погладил свёрток с нефритовой подвеской в рукаве и задумчиво произнёс:

— Мне кажется, генерал, вас беспокоят не только солдаты Дин Юаня, но и его доблестный полководец.

— Именно! — с готовностью признал Дун Чжо. — У него есть полководец по имени Люй Бу. Он действительно обладает силой десяти тысяч мужей. Я послал Нью Фу проверить его, и тот потерпел постыдное поражение. Старый негодяй Дин Юань недальновиден и груб в речах, даже я, вояка из Силяна, кажусь на его фоне утончённым. Я его не боюсь. Но если оставить эту угрозу без внимания, рано или поздно она принесёт беду.

Он перевёл взгляд и решительно заявил:

— Этого человека нельзя оставлять в живых! Придумай способ.

Ли Жу, поразмыслив мгновение, ответил:

— Это... дело несложное. Вопрос лишь в том, готов ли генерал пойти на некоторые расходы.

Дун Чжо поднял глаза.

— Расходы?

Ли Жу кивнул, и в его улыбке промелькнуло что-то зловещее.

— Да, расходы! Одно подношение, одна должность — и вы, генерал, получите себе доблестного полководца и избавитесь от заклятого врага.

<http://bllate.org/book/16006/1545743>